ПОСЛѢДНЯЯ ПАСХАЛЬНАЯ ВЕЧЕРЯ

Іисуса Христа

ПО СИНОПТИКАМЪ И ІОАННУ.

Ѳ. Троицкій.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Универс.

Черноозерская ул., собственный домъ.

1889.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Спб. 29 Ноября 1888 года.

Цензоръ Священникъ *А. Автономовъ.*

I.

ПОСЛѢДНЯЯ ПАСХАЛЬНАЯ ВЕЧЕРЯ І. ХРИСТА

ПО СИНОПТИКАМЪ И ІОАННУ (Мѳ. 26, 17 и дал.; Марк. 14, 12 и дал.; Лук. 22, 7 и дал.; Іоан. 13, 1 и дал.).

Вопросъ о пасхальной вечери І. Христа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ затронутый въ Христ. Чт. (1875 г. сент.—окт.) проф. Хвольсономъ и въ Странникѣ (1876 г. нояб.—дек.) о. Вас. Гречулевичемъ и вслѣдъ за ними въ Правосл. Собесѣдникѣ (1878 г. т. 2) проф. А. А. Некрасовымъ, далъ наукѣ Св. Писанія много драгоцѣнныхъ указаній касательно іудейской храмовой практики приготовленія и закланія пасхальнаго агнца, касательно затѣмъ различныхъ рѣшеній вопроса о совмѣщеніи этой практики съ остальнымъ праздничнымъ іудейскимъ богослужебнымъ ритуаломъ въ случаяхъ совпаденія этого приготовленія съ другими праздничными днями, съ субботами и другими законными установленіями еврейскаго богопочтенія и т. п. Эти цѣнныя въ научномъ отношеніи указанія, извлеченныя изъ сѣдой еврейской древности, забытой за ея непрактикованьемъ послѣ разрушенія храма іерусалимскаго, но сохранившейся среди руинъ прошлаго въ записяхъ послѣбиблейской еврейской, и правовѣрной и сектантской, литературы,—указанія, познакомиться съ которыми не лишне всякому заинтересованному указаннымъ вопросомъ,—не позволили однако намъ остановиться на томъ *частномъ* опытѣ соглашенія *дня* послѣдней пасхальной вечери І. Христа, какое предложено почтеннымъ гебраистомъ на основаніяхъ еврейскаго языкознанія, на той поправкѣ текста синоптиковъ, по которой ихъ „первый день опрѣсноковъ“ обратился въ „*приближающійся* первый день опрѣсночный“; не позволили

намъ въ тоже время остановиться и на другой поправкѣ [1]) текста синоптиковъ, основанной на греческомъ языковѣдѣніи, по которой τῇ δὲ πρώτῃ τῶν ἀζύμων разлагается на предлогъ πρὸ съ слѣдующимъ за нимъ членомъ τῆς (τῇ δὲ πρὸ τῆς τῶν ἀζύμων) и по которой текстъ гласитъ, что ученики приблизились къ І. Христу *„прежде* праздника опрѣсноковъ“ (=въ канунъ праздника опрѣсноковъ), въ параллель съ Іоан. 13, 1 и дал.: πρὸ τῆς ἑορτῆς = канунъ праздника, какъ προδάββατον = канунъ субботы, т. е. пятница. и под.

Основанія къ признанію несостоятельности такихъ поправокъ мы имѣемъ слѣдующія:

Наше знакомство съ рѣшеніями указаннаго вопроса привело насъ, помимо нашей воли и желанія, къ тому убѣжденію, что вся ошибка древнихъ и современныхъ гармонистовъ въ этомъ вопросѣ состояла и состоитъ въ томъ, что они приступали и приступаютъ къ рѣшенію его съ своими, на свой ладъ передѣланными, хронологическими датами Евангелистовъ: вмѣсто того, чтобы считать *днями*, какъ у Евангелистовъ, они перелагаютъ ихъ на числа мѣсяца (13-е, 14-е, 15-е нисана) и затѣмъ начинаютъ строить свои комбинаціи этихъ чиселъ, каковыхъ комбинацій тѣмъ все больше, чѣмъ все больше позабывались іудейскіе праздничные обычаи и праздничная храмовая хронологія. Затѣмъ, къ этому вопросу припуталась особая цѣль: хотѣли, на основаніи такого или инаго рѣшенія о днѣ вечери, рѣшить и вопросъ, употреблять ли для таинства Евхаристіи опрѣсноки или квасный хлѣбъ? А при такой постановкѣ вопроса можно, какъ и показала исторія полемики, все отыскать. Наша слѣд. обязанность—позаботиться освободиться отъ этихъ ошибокъ съ одной стороны, а съ другой взять за данныя, при рѣшеніи вопроса о днѣ послѣдней вечери І. Христа, хронологическія показанія самихъ Евангелистовъ, на время отбросивъ свои 13—15 нисана, на время позабывъ и полемическую сторону, не касающуюся сущности дѣла. Даты евангельскія въ концѣ концовъ приведутъ, какъ къ своему выводу, къ датамъ числовымъ, но не наоб., и вся разница евангельскихъ датъ у си-

[1]) Несостоятельность такой поправки призналъ и самъ авторъ ея А. А. Некрасовъ въ своемъ новомъ трудѣ «Чтеніе греческаго текста св. Евангелій» Казань. 1888.

ноптиковъ и Іоанна сведется къ разницѣ лишь хронологическаго термина у того и другихъ (у синоптиковъ: „первый день опрѣсночный", а у Іоанна: „предъ праздникомъ Пасхи"), но съ однимъ и тѣмъ же смысломъ, съ *значеніемъ „дня приготовленія и закланія пасхальнаго агнца"*. Такой смыслъ синоптическаго термина необходимо требуется всѣмъ ходомъ разсказа у синоптиковъ и Іоанна и замѣчаніемъ о такомъ его характерѣ у Марка и Луки (Марк. 14, 12 и Лук. 22, 7), — смыслъ, которому пока не удается подыскать основаній въ *библейской и послѣ-библейской* литературѣ еврейской. Только глухое показаніе Іосифа Флавія о 8-мидневномъ праздникѣ опрѣсноковъ, въ другомъ мѣстѣ исправляемое у него литературнымъ, книжно-законнымъ показаніемъ о семи дняхъ праздника опрѣсноковъ, изъ которыхъ первый день 15-е нисана, а второй 16-е [1]), и сходящееся съ нимъ замѣчаніе Ев. Луки о томъ, что „приближался *праздникъ опрѣсноковъ, называемый пасхою*" (Лк. 22, 1) = у Іос. Флавія [2]) „*наступалъ праздникъ опрѣсноковъ, называемый у іудеевъ пасхою*", намекаютъ на *двоякое* значеніе въ тѣ времена термина: „праздникъ опрѣсноковъ": болѣе строгое, чисто-литературное, библейское, ученое, *и* менѣе строгое и точное, обыденное. И вышеуказанныя замѣтки Марка и Луки, которыя они сочли нужнымъ прибавить къ термину „первый день опрѣсночный", очевидно, сдѣланы въ виду возможной со стороны читателей Евангелій ошибки принять терминъ за то, что̀ онъ въ большинствѣ въ ученомъ, строго библейскомъ употребленіи обозначаетъ, но чего здѣсь онъ не имѣетъ въ виду обозначать.

Что библейская литература не знаетъ другаго „перваго опрѣсночнаго дня", кромѣ 15-го нисана—это фактъ установленный, всегда бывшій присущимъ общецерковному сознанію: съ устъ христіанскихъ отцевъ и учителей и изъ ихъ мысли никогда не сходило всегдашнее недоумѣніе при встрѣчѣ съ времяобозначеніями дня послѣдней пасхальной вечери І. Христа у синоптиковъ и Іоанна, при чемъ всегда также сознавалось и рѣшительно *одно и тоже содержаніе* подъ

---

[1]) См. въ соч. Іос. Флавія «*Древности іуд.*», въ рус. переводѣ М. Самуйлова,=кн. 2, гл. 15, стр. 100 и кн. 3, гл. 10, стр. 142, а также и стр. 31 въ отдѣльномъ оттискѣ статьи Хвольсона.

[2]) См. его соч. «*О войнѣ іуд.*» кн. 2, гл. 1, § 3 ср. кн. 6, конецъ 9 гл., стр. 237—238=*Древн. іуд.* кн. 9, конецъ 13-й гл., стр. 121; кн. 10, конецъ 4-й гл., стр. 140 и кн. 17, нач. 9-й гл.

этими различными времяобозначеніями, такъ не соотвѣтствующими Ветхо-Завѣтному библейскому времяобозначенію. И это понятно: съ одной стороны всѣ знали и знаемъ, что Ветхій Завѣтъ называетъ „первымъ опрѣсночнымъ днемъ" 15-е нисана, а еще точнѣе: первый день, слѣдующій за вкушеніемъ пасхальнаго агнца, первый лишь день по Пасхѣ (ср. 2 Пар. 30, 21 и 3 ср. Числ. 9, 10 и д.); а съ другой стороны всѣ видѣли и видимъ, что этотъ самый терминъ у синоптиковъ рѣшительно не можетъ имѣть такого значенія, что онъ значитъ именно у нихъ *день приготовленія и закланія пасхальнаго агнца*, день приготовленія всего, что̀ нужно къ празднику и на праздникъ, но еще и не такого спѣшнаго, какимъ это приготовленіе представляется у синоптиковъ и Іоанна въ слѣдующій день, день полной предпраздничной сутолоки-стряпни и въ тоже время день спѣшнаго судопроизводства надъ І. Христомъ и спѣшнаго приведенія въ исполненіе судебнаго приговора смертнаго надъ Нимъ,— день и дни, вовсе не похожіе и нисколько не напоминающіе полнѣйшаго покоя законнаго библейски-извѣстнаго „перваго дня опрѣсночнаго". И не эта только радикальная несхожесть этихъ „первыхъ" опрѣсночныхъ дней: В. Завѣту извѣстнаго и Н. Завѣту (у синоптиковъ-евангелистовъ) такъ характернаго была всегда присуща общецерковному сознанію, а было присуще ему также всегда и сознаніе того, что синоптическое времяобозначеніе и времяобозначеніе Іоанна, такъ несхожія по буквѣ, сходны по существу, сходны по содержанію,—было присуще всегда церкви сознаніе, что всѣ Евангелія отъ слова до слова повторяютъ одни и тѣже факты, одно и тоже содержаніе вкладываютъ въ эти такъ различные хронологическіе термины („первый день опрѣсночный" у синоптиковъ и „передъ праздникомъ" у Іоанна). И всѣ именно Евангелія говорятъ, что въ этотъ „первый опрѣсночный день" (Мѳ., Марк. и Лк.) или „предпраздничный-предпасхальный день" (Іоан.) закалали пасхальнаго агнца, а вечеромъ Іисусъ съ Своими учениками ѣлъ агнца, но еще *до* наступленія праздника, т. е. Пасхи (Іоан. 13, 4 и 26; 13, 29); всѣ именно говорятъ, что только готовили и готовились къ пасхальному празднику. Всѣ и далѣе единогласно говорятъ, что въ эту же ночь схватили Іисуса и привели узникомъ къ первосвященникамъ, что слѣдующее утро прошло все въ судѣ надъ Іисусомъ въ разныхъ

его инстанціяхъ, что первосвященники и члены синедріона возбужденно торопили всѣмъ ходомъ суда, съ явнымъ нарушеніемъ всѣхъ порядковъ судебнаго еврейскаго разбирательства, торопили между прочимъ въ виду наступающаго праздника, ради чего даже остереглись войти въ преторію, чтобы потомъ не считаться „нечистыми“ для яденія пасхальнаго агнца. Всѣ говорятъ и для всѣхъ весь ходъ разсказа всѣхъ Евангелистовъ ясно показываетъ, что это—будній день, хотъ и день предпраздничной сутолоки, что Симонъ Киринеянинъ напр. идетъ съ поля въ 12-мъ часу, что Пилатъ торопится освободить іудеямъ *предпраздничнаго* узника, что Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ положили Іисуса въ новомъ гробу по близости „ради пятницы іудейской“ и „великой субботы“, что и женщины, пришедшія съ Іисусомъ изъ Галилеи, не успѣваютъ должнымъ обр. схоронить и погребсти тѣло Іисусово, только въ промежуткахъ отъ праздничнаго покоя готовятъ благовонія и масти и уже черезъ день приходятъ съ этой цѣлію ко гробу Іисуса, а ученики Его тоже не являются раньше воскреснаго утра ко гробу своего Учителя. Но этого мало. Его ученикамъ, среди предпраздничной сутолоки, ничего скорѣе не приходитъ и на умъ при словахъ Іисуса Іудѣ: „что̀ дѣлаешь, дѣлай скорѣе!“ какъ порученіе ему „купить, что̀ нужно къ празднику или дать что-нибудь нищимъ“ къ празднику.

Ясно для всѣхъ такимъ обр., что все это происходитъ *предъ* праздникомъ, т. е. Пасхою, что̀ вполнѣ отвѣчало и настойчиво указываемому синоптиками рѣшенію синедріона „убить Іисуса, но только не въ праздникъ“. А если это предъ праздникомъ, то, стало быть, ни въ какомъ случаѣ не въ первый день опрѣсночный, *какъ* онъ мыслится въ библейскомъ словоупотребленіи. Значитъ, синоптическій терминъ „первый день опрѣсночный и п.“, *или* ошибка и описка, сдѣланная ли и допущенная въ еврейскомъ текстѣ Евангелія Матѳея или въ греческомъ и требующая поправокъ въ родѣ предложенныхъ въ указанныхъ статьяхъ Христ. Чт. и Прав. Собес., *или* мы имѣемъ у синоптиковъ такой терминъ времяобозначенія, который сталъ непонятенъ для насъ за утратою его истиннаго смысла, за нашимъ незнаніемъ тогдашняго *обыденнаго*, некнижнаго, іудейскаго, вѣрнѣе можетъ быть галилейскаго, времяобозначенія. Къ тому или другому изъ этихъ рѣшеній мы придемъ или и вовсе не сможемъ дойти до рѣ-

шительнаго сужденія въ этомъ вопросѣ, истина отъ этого не пострадаетъ; полное согласіе Евангелистовъ стоитъ не на этомъ хронологическомъ терминѣ: всѣ они говорятъ рѣшительно объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и объ однихъ и тѣхъ же временахъ, но только ярлыкъ и надпись этихъ событій и временъ у синоптиковъ и Іоанна особенные, различные. Вопросъ, слѣд., можетъ быть только о томъ, *однозначны* ли эти надписи событій и временъ у Евангелистовъ, или онѣ у синоптиковъ ошибочно поставлены на неподходящемъ предметѣ? но нѣтъ вопроса о бóльшемъ или меньшемъ православіи такъ или иначе объясняющихъ этотъ такъ долговѣчный и такъ трудный терминъ.

Съ своей стороны мы не въ состояніи принять предположеній объ ошибочности или искаженности у синоптиковъ пререкаемаго термина, о нуждѣ такого или инаго его исправленія. Мы неспособны думать, будто изъ того твердо установленнаго факта, что во всей библейско-еврейской и послѣ-библейской литературѣ никогда и никакой, кромѣ 15-го нисана = кромѣ 1-го за яденіемъ агнца дня, день не называется „первымъ опрѣсночнымъ днемъ", только и слѣдуетъ одинъ, выходъ и выводъ, что терминъ синоптиковъ, употребляемый въ *иномъ* смыслѣ и съ достаточнымъ указаніемъ *инаго содержанія*, заключеннаго въ немъ, ошибоченъ; есть, думается, другой законный выходъ и выводъ. Литературное словоупотребленіе, притомъ ученое и священное, всегда гораздо строже разговорнаго и обыденнаго, и нѣтъ ничего неестественнаго предположить, что все время приготовленія пасхальнаго агнца и другихъ къ нему принадлежностей, между прочимъ и опрѣсноковъ, вмѣстѣ съ самими праздничными днями, обыденно называли днями опрѣсночными, слѣды чего и находимъ у Марка и Луки и у Іосифа Флавія въ его 8-мидневномъ опрѣсночномъ праздникѣ и въ названіи всего праздника опрѣсноковъ, и съ Пасхою, „наступающимъ и наступавшимъ праздникомъ опрѣсноковъ, называемымъ у іудеевъ Пасхою" (см. цитаты выше, на стр. 5). Не говоримъ уже того, что всѣ текстуальныя исправленія времяобозначительнаго термина лишь „*приближающимся* первымъ опрѣсночнымъ днемъ" (Хр. Чт. 1875 г.) или „*предопрѣсночнымъ* днемъ" (Прав. Собес. 1878 г. т. 2) не избѣгаютъ той трудности, ради которой они, *не данныя ни однимъ свящ. кодексомъ*, придуманы. *И* съ этими поправками остается все тотъ же недоумѣнный вопросъ: почему же

непремѣнно время закланія агнца для послѣдней вечери І. Христа съ учениками называется „приближающимся первымъ днемъ опрѣсночнымъ“ или „предопрѣсночнымъ днемъ“, когда еще въ виду предшествующій и притомъ такой исключительной важности праздникъ, праздникъ праздниковъ, какъ Пасха, и когда, слѣд., всего естественнѣе было обозначить время днемъ Пасхи, какъ это и сдѣлано І. Христомъ въ Его предсказаніи Своего распятія (Мѳ. 26, 2 ср. у Марка 14, 1, гдѣ уже объединеніе: „черезъ два дня надлежало быть Пасхѣ и опрѣснокамъ“, а у Луки 22, 1 и еще иначе: „приближался праздникъ опрѣсноковъ, называемый Пасхою“) и какъ это, вѣроятно, было бы сдѣлано и синоптиками, если бы и обыденное, можетъ быть только галилейское, времяобозначеніе точно совпадало съ книжнымъ? Уже одно то обстоятельство, что ясно для всѣхъ *одно* время обозначающій у всѣхъ синоптиковъ - Евангелистовъ терминъ такъ варьируется - колеблется [простое у Мѳ. „въ первый день опрѣсночный“ у Марка является уже съ объяснительнымъ добавленіемъ: „когда закалали пасхальнаго агнца“ и съ объединеніемъ „Пасхи и опрѣсноковъ“, какъ одного праздника въ 14, 1, а у Луки, наконецъ, Пасха и праздникъ опрѣсноковъ вполнѣ обезразличиваются и поглощаются другъ другомъ: „праздникъ опрѣсноковъ, называемый пасхою“, причемъ „*наступившій* день опрѣсноковъ“ опредѣляется уже какъ такой, который еще *не только не послѣ* вкушенія пасхальнаго агнца, а еще такой лишь, „въ который (только) *надлежало закалать* пасхальнаго агнца“], такъ это одно обстоятельство неотрицаемо показываетъ, что въ нешкольноученой рѣчи далеко не было той опредѣленности, какая царитъ въ этомъ вопросѣ въ библейскомъ и внѣбиблейскомъ ученомъ словоупотребленіи. Въ тоже время та *настойчивость*, съ какою у синоптиковъ все время со дня закланія пасхальнаго агнца называется „опрѣсночными днями“ („первымъ опрѣсночнымъ днемъ“ или „наставшимъ днемъ опрѣсноковъ“), совершенно преждевременно, раньше Пасхи, когда собственно, послѣ вкушенія Пасхи, начинаютъ свой книжно-библейскій счетъ опрѣсночные дни, показываетъ, что если не въ Іерусалимѣ, куда ближе стоялъ Евангелистъ Іоаннъ, имѣвшій знакомство даже со дворомъ первосвященническимъ, и потому могшій точнѣе, книжнѣе, обозначить этотъ синоптическій опрѣсночный день „предпраздничнымъ = предпасхальнымъ днемъ“, то по крайней мѣрѣ

въ Галилеѣ,—во многомъ упрямо державшейся своихъ обычаевъ и привычекъ, не работавшей напр. какъ въ праздникъ въ предпасхальный день закланія агнца, и за такое упорство въ своихъ мнѣніяхъ и привычкахъ пользовавшейся нелестной славой отъ столичнаго люда, отъ книжниковъ и проч.,—могло быть иное времяобозначеніе, не точное съ точки зрѣнія книжной, но хорошо выражающее связь всѣхъ этихъ праздниковъ, объединяющее всѣ ихъ *опрѣсночнымъ* приготовленіемъ и яденіемъ, а въ тоже время и чуждое тѣхъ тонкостей различенія всѣхъ оттѣнковъ, какимъ не могли похвалиться простые и хорошіе работники, рыбаки и домохозяева Галилеи и къ какому способны были іерусалимляне и всѣ прошедшіе школу ученыхъ книжниковъ. Но этого мало. Такой праздственный характеръ этихъ подготовительныхъ къ великому еврейскому торжеству дней даже требовался для далекой отъ іерусалимскаго храма Галилеи. Вѣроятно также, что и закланіе и принесеніе въ храмъ агнцевъ галилейскими домохозяевами было допущено и узаконено совершать впередъ іерусалимлянъ и другихъ близкихъ къ храму жителей, чтобы желающіе изъ нихъ могли успѣть въ свои семьи съ заклаными въ храмѣ агнцами. Если эта вѣроятность была реальностію, то понятно, почему для галилеянина эти праздственные дни причлись ко всему празднику, ко всей праздничной седмицѣ, и стали называться опрѣсночными днями, не будучи такими для іерусалимлянина, могущаго приготовить все къ празднеству въ самый день вкушенія агнца.

Неразрѣшимый такимъ образомъ съ точки зрѣнія ВЗ. библейскаго и ученаго внѣбиблейскаго времяобозначенія и съ точки зрѣнія поправокъ текста синоптическаго термина вопросъ можетъ быть разрѣшенъ при еще возможной третьей точкѣ зрѣнія, основанія къ которой даны въ самомъ текстѣ Евангелій и въ упоминаніи Іосифа Флавія о 8-дневномъ праздникѣ опрѣсноковъ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ Галилеянъ и ихъ праздничныхъ и другихъ привычекъ (См. объ этомъ въ „Послѣдней пасхальной вечери І. Христа“ *Хвольсона*). Эта неразрѣшимость вопроса при первыхъ двухъ точкахъ зрѣнія чувствовалась во всѣ времена, что̀ и выразилось въ доселѣшней исторіи пререканій о времени празднованія І. Христомъ Своей предсмертной пасхи: Церковь никогда не могла стать рѣшительно ни на ту сторону, гдѣ утверждалось, что „первый опрѣсночный день“ у синоптиковъ есть день предопрѣсночный,

канунъ Пасхи, а въ годъ смерти I. Христа даже предканунъ, ни на ту, гдѣ утверждалось, что это времяобозначеніе синоптиковъ ошибочно. Она видѣла полное согласіе синоптиковъ во всемъ, кромѣ *термина* времяобозначенія, и потому общо̀ лишь полагала, что „первый день опрѣсноковъ“ у синоптиковъ имѣетъ какое-нибудь другое значеніе, чѣмъ тотъ же терминъ въ библейской и основанной на ней учено-раввинской терминологіи. Предположенія этого значенія были различны, очевидно потому, что истинный смыслъ синоптическаго хронологическаго термина затерялся, затерялись историческія данныя (преданіе) для рѣшенія этой трудности. Всѣ древнія отеческія свидѣтельства объ этомъ предметѣ, разсмотрѣнныя о. протоіереемъ А. В. Горскимъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Совершилъ ли Господь I. Хр. пасху іудейскую на послѣдней вечери Своей съ учениками?“ (Прибавл. къ твор. св. отцовъ ч. XII. Москва, 1853 г.), показываютъ только, что Церковь всегда считала днемъ совершенія Евхаристіи и вечери четвергъ, а днемъ страданій пятницу, въ рѣшеніи же спорнаго термина („первый опрѣсночный день“) древнія свидѣтельства не пришли къ единодушному рѣшенію, не отыскали объединительнаго пункта между синоптическимъ терминомъ и между такимъ же терминомъ, но съ другимъ значеніемъ, который употребителенъ въ Ветхо-Завѣтной Библіи и въ основанномъ на ней ученомъ, литературномъ, словоизраженіи. И такія уклоненія обыденнаго словоупотребленія отъ книжнаго очень нерѣдкое явленіе и очень живучее. Мы напр. русскіе чуть не 1000 лѣтъ христіане, а нашъ счетъ и языкъ обыденные далеко не то, что̀ въ книжкѣ церковной: самый буквальнѣйшій нашъ законникъ-книжникъ не сочтетъ церковное счисленіе дней съ вечеренъ за обязательное для себя и своего житейскаго обихода, не сочтетъ четвергомъ и субботой вечеровъ среды и пятницы, не начнетъ великаго поста съ вечера масляничнаго воскресенья, а пасхи съ вечера великой субботы и под. Слѣды подобнаго, думается, сохранились и въ указанныхъ синоптическихъ времяобозначеніяхъ и въ замѣчаніяхъ Іосифа Флавія о 8-мидневномъ опрѣсночномъ праздникѣ и объ особенностяхъ вообще галилеянъ.

Но въ годъ смерти Господа, по времяобозначеніямъ синоптиковъ, оказался уже и не 8-мидневный даже праздникъ опрѣсноковъ, а 9-тидневный, опрѣсночнымъ днемъ названъ не только канунъ Пасхи, ка̀къ ее праздновали, съ чле-

нами синедріона во главѣ, не вошедшими въ преторію, „да не осквернятся, но да ядятъ пасху“, большинство конечно іудеевъ, а даже и предканунный день ихъ празднованія, хотя лишь канунный для тѣхъ, кто закалалъ и вкушалъ агнца въ тотъ же день, въ который и І. Христосъ съ Своими учениками. По этому-то именно послѣднему, что въ этотъ день должно было приготовлять пасхальнаго агнца и можно было вкушать его, а вмѣстѣ можно было приготовлять и остальныя принадлежности пасхальной вечери: опрѣсноки и горькія травы, а слѣд. можно было и ѣсть ихъ, что̀, думается, такъ же различно различными лицами рѣшалось, какъ и самое вкушеніе принесеннаго уже въ храмѣ пасхальнаго агнца (См. указ. соч. Хвольсона), этотъ день, день закланія агнца, а для нѣкоторыхъ и день вкушенія его, съ опрѣсноками или безъ опрѣсноковъ [1]), могъ быть названъ *днемъ опрѣсночнымъ*, если ужъ только такое названіе было вообще перенесено въ обычной, галилейской, рѣчи на день закланія агнца. Утратиться такому времяобозначенію, особенно мѣстному, не въ лестномъ, даже презрительномъ мнѣніи бывшему у іудея-книжника и синедріонала (Іоан. 7, 52 и под.), изъ послѣдующей раввинической литературы весьма естественно, когда даже о закланіи пасхальнаго агнца въ междувечеріе четверга-пятницы вмѣсто междувечерія пятницы-субботы по еврейскому храмовому счету (=нашему обычному въ четвергъ вмѣсто пятницы), въ случаѣ совпаденія ея съ субботою, всѣ слѣды въ этой литературѣ такъ изглажены, что едва ученому гебраисту, самому̀ по рожденію еврею, удалось открыть ихъ, да и то благодаря только его знакомству не съ одной раввинической, такъ ск. православно-еврейской, литературой, а и съ литературой раскольниковъ іудейства: караимовъ, самарянъ и под., и когда всѣ эти, притомъ не литературные, обычаи должны были потеряться и въ говорѣ съ тѣхъ поръ, какъ храмъ и все храмовое богослуженіе и весь распорядокъ его были разрушены. Только при существованіи всего этого и встрѣчались въ жизни всѣ эти соглашенія различныхъ совпаденій праздничнаго еврейскаго календаря, а съ уничтоженіемъ ихъ и сами уничтожились, и какъ мѣстныя, не особенно лестно честимыя ученою іерусалимскою аристократіею, не попали въ ея лѣто-

---

[1]) За послѣднее на предсмертной пасхальной вечери І. Христа всѣ выраженія синоптиковъ и Іоанна касательно хлѣба: ἄρτος а не ἄζυμα.

писи, сохранившись лишь кое-въ-какихъ пунктахъ у презрѣнныхъ отщепенцевъ іудейства: самарянъ, караимовъ и под.

Такъ настаивать на этомъ объясненіи, обосновывающемся на вышеуказанныхъ данныхъ, приходится и въ виду слишкомъ ясной невозможности и непригодности иныхъ объясненій и поправокъ синоптической даты. Евангелисты - синоптики такъ ясно и *рѣшительно-настойчиво* говорятъ о „первомъ опрѣсночномъ днѣ“ въ *совершенно-небиблейскомъ* значеніи и въ такихъ варьированныхъ выраженіяхъ и съ такими пояснительными замѣтками, что рѣшительно немыслима поправка даты, соотвѣтствующая библейскому и ученому словоупотребленію, *значащая именно слѣдующій за пасхальною вечерію день* (15-е нисана). А такую поправку можно сдѣлать, только радикально переработавъ, только совершенно замѣнивъ евангельскій синоптическій текстъ новымъ, взятымъ изъ библейскаго и ученаго еврейскаго слововыраженія и словаря, а отнюдь не тѣми однословными палліативами, какими бы хотѣли излечить этотъ вѣковѣчно-мучащій терминъ, выходя изъ предполагаемаго арамейско-еврейскаго текста этого термина или такого же предполагаемаго греческаго. Притомъ, этому исправленію текста придется оперироваться не надъ этимъ лишь однимъ злополучнымъ терминомъ, а и надъ другими, гдѣ опрѣсночные дни сливаются во единъ праздникъ съ Пасхою и под. Выходитъ, что въ такихъ операціяхъ надъ текстомъ есть что-то неладное, неистинное, въ самомъ своемъ существѣ несостоятельное. Лука напр. положительно говоритъ въ 22, 1, что „праздникъ опрѣсноковъ, называемый пасхою, приближался (ἤγγιζε)“, а въ 8-мъ стихѣ „насталъ же (ἦλθε) день опрѣсночный, въ который должно было закалать пасхальнаго агнца“, что̀ прямо препятствуетъ пониманію ἦλθε въ смыслѣ *„приближался“*: здѣсь эти два термина до того строго разграничены, что отнюдь не допускаютъ отожествленія себя. „Приближался“ у Луки тожественно съ болѣе точнымъ и опредѣленнымъ обозначеніемъ времени у Мѳ. 26, 2: „чрезъ два дня будетъ пасха“ и у Марка 14, 1: „чрезъ два дня надлежало быть празднику пасхи и опрѣсноковъ (ἦν δὲ τὸ πάσχα καὶ τὰ ἄζυμα μετὰ δύο ἡμέρας)“. У Луки, так. обр., пришлось бы передѣлывать все мѣсто, и то даже, гдѣ прямо засвидѣтельствовано имъ, что въ то время праздникъ опрѣсноковъ въ обыденномъ времясчисленіи совпадалъ, отожествлялся, съ праздникомъ Пасхи (Лук. 22, 1:

„ἤγγιζε δὲ ἡ ἑορτὴ τῶν ἀζύμων, ἡ λεγομένη πάσχα“). А поправимъ ли мы „наступившій день опрѣсночный“ у Луки = „въ первый день опрѣсночный“ у Мѳ. и Марка въ „*приближающійся* первый день опрѣсночный“ или въ „канунъ праздника опрѣсноковъ (= *прежде* праздника опрѣсноковъ“), мы не удалимъ повода недоумѣнія для всякаго, кто допускаетъ (а этого не допустить нѣтъ никакихъ основаній ни въ Евангеліяхъ, ни въ преданіи о днѣ совершенія пасхальной вечери), что І. Христосъ ѣлъ пасхальнаго агнца днемъ раньше іудеевъ, потому что опредѣлять время вкушенія агнца „опрѣсночнымь днемъ“, хоть бы только и *приближающимся*, когда завтра же (въ этотъ годъ) самый важный праздникъ (Пасха), странно и неестественно, и еще тѣмъ страннѣе, что объ опрѣснокахъ и на самой вечери ни слова! Не говоримъ уже того, что обѣими этими передѣлками „*перваго* опрѣсночнаго дня“ въ „приближающійся первый опрѣсночный день“ или въ „предопрѣсночный день“ мы ни на шагъ отъ „опрѣсночныхъ дней“, ни на шагъ отъ термина, отъ котораго стремимся во что̀ бы то ни было отдѣлаться, мы ни на шагъ изъ этого заколдованнаго для нашего сознанія круга, созданнаго для насъ *двумя* значеніями этого термина, ВЗ-нобиблейскимъ и НЗ-носиноптическимъ,— значеніями, примирить и объединить которыя возможно только расширеніемъ болѣе строгаго и узкаго понятія, de facto и совершившимся въ умахъ, мало способныхъ поддаваться всякому дисциплинированію и всякому изсушенію школьной казуистикой, въ умахъ свободолюбивыхъ и ищущихъ во всемъ шири и простора, каковы были, по свидѣтельству исторіи, галилеяне. И, при доступныхъ въ настоящее время данныхъ, только и резонно предположеніе о *иномъ* времясчисленіи въ обыденной, неученой рѣчи простыхъ галилейскихъ рыбарей и работниковъ, не совпадающемъ съ времяобозначеніемъ библейскимъ и съ основаннымъ на немъ учено-литературнымъ, слѣды котораго, какъ видѣли, и сохранились у тѣхъ именно Евангелистовъ, которые преимущественно имѣютъ въ виду галилейскую и среди галилеянъ дѣятельность І. Христа. Но не смотря на эту особенность синоптическаго времяобозначенія сравнительно съ библейскимъ и ученымъ, ясно выступаетъ у всѣхъ Евангелистовъ — и синоптиковъ, и Іоанна— вполнѣ твердая мысль, что вкушеніе І. Христомъ пасхальнаго агнца было въ четвергъ, днемъ раньше самаго празд-

ника Пасхи, вкушеніе *законно-безупречное* для взора всѣхъ— и враговъ, и друзей,—не вызывающее никакихъ недоумѣній, даже мизернѣйшихъ, со стороны и всѣхъ участниковъ вечери, даже предателя Іуды, слѣд. вполнѣ законное и согласное со всѣмъ распорядкомъ этого великаго іудейскаго торжества, не поставленное на видъ суду ни однимъ обвинителемъ. А почему все это было такъ, почему не могло быть поставлено въ вину такое рановременное (сравнительно съ вкушеніемъ пасхальнаго агнца большинствомъ іерусалимлянъ во главѣ съ синедріоналами) вкушеніе его І. Христомъ съ учениками, это, думается, достаточно выяснилъ намъ въ своихъ статьяхъ достопочтенный проф.-гебраистъ и тѣмъ оказалъ нашему былому въ этомъ вопросѣ невѣжеству достойную памятованія и благодарности услугу.

Теперь сгруппируемъ всѣ евангельскія данныя предсмертной пасхальной вечери І. Христа, при освѣщеніи, доставленномъ намъ трудами задавшихся цѣлію уяснить этотъ вопросъ и обладающихъ къ этому достаточными силами и подготовкой.

1) Прежде всего всѣ Евангелисты-синоптики единогласно говорятъ, что *преданіе І. Христа Іудою*, измѣна Іуды и его соглашеніе съ первосвященниками и начальниками, его предложеніе имъ своихъ услугъ, когда они серьезно и возбужденно-нетерпѣливо искали способа избавиться тѣмъ или инымъ путемъ, только не на глазахъ и не на виду народа, произошло *за два дня до праздника Пасхи* (Мѳ. 26, 2 и дал., особ. ст. 14—15; Мрк. 14, 1—11; Лк. 22, 1—6), что̀ и церковь запечатлѣла посвященіемъ этому событію *среды*. Разница во времяобозначеніи у синоптиковъ только слѣд: тогда какъ Матѳей и Маркъ обозначаютъ это случившимся за два дня до Пасхи, Лука говоритъ общѣе, что это случилось въ то время, когда „приближался праздникъ опрѣсноковъ, называемый Пасхою“.

2) Всѣ опять Евангелисты-синоптики говорятъ единогласно, что послѣдняя вечеря была въ тотъ день, „когда закалали пасхальнаго агнца“ [Мрк. 14, 12; Лк. 22, 7 ср. Мѳ. 26; 17—*20* и д., гдѣ замѣной названію и вышеуказанному опредѣленію дня служитъ описаніе, что ученики въ этотъ именно день готовили пасхальнаго агнца и что Іисусъ съ учениками ѣлъ его вечеромъ того же дня, что̀, въ прибаву къ названію дня, точно также описывается и у Мрк. 14,

12—17 и д. и Лук, 22, 7—14 и д.], что у Іоанна 13. 1 и д. выражается датой, вполнѣ соотвѣтствующей синоптическимъ датамъ: „предъ праздникомъ Пасхи“ (ср. Іоан. 19, 14; 13, 29). Въ поясненіе къ этому, всѣ Евангелисты, и съ Іоанномъ, ясно говорятъ, что это было *въ четвергъ*, что и закрѣплено преданіемъ и церк. практикою въ воспоминаніи этого событія въ четвергъ Страстной седьмицы. Они всѣ говорятъ затѣмъ, что въ ночь вкушенія І. Христомъ съ учениками пасхальнаго агнца, послѣ удаленія съ вечери, Іисуса взяли и судили, а утромъ, рѣшивъ предать Его смерти, отвели Его, для утвержденія этого приговора, къ Пилату, послѣ чего Онъ былъ распятъ, и что все это было въ *пятницу* (Мрк. 15, 42; Лук. 23, 54; Іоан. 19, 31; Мѳ. 27, 62), которая была именно *до праздника Пасхи, предъ Пасхою* (Лук. 23, 17; Мѳ. 27, 15; Марк. 15, 6; Іоан. 18, 28 и 19, 14). Въ пятницу же вечеромъ, когда наступала суббота (Лк. 23, 54; Мѳ. 27, 57 ср. 62; Мрк. 15, 42; Іоан. 19, 31 и 42), погребли Его Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ (Іосифъ Аримаѳ: Мѳ. 27, 57; Мрк. 15, 42; Лук. 23, 54; Іосифъ и Никодимъ: Іоан. 19, 31 и 38—42). Затѣмъ, единогласно говорится у всѣхъ Евангелистовъ о субботѣ и о воскресеніи І. Христа рано утромъ въ первый день недѣли (Мѳ. 27, 62 и 28, 1; Мрк. 16, 1. 9 и 15, 42; Лк. 23, 56 и 24, 1; Іоан. 20, 1).

Такимъ образомъ, если мы беремъ хронологическія даты самихъ Евангелій и забываемъ на время нашъ привычный счетъ числами (13, 14 и 15 нисана и п.), то намъ до неодолимости ясно, что всѣ Евангелисты, и Іоаннъ и синоптики, говорятъ объ одномъ и томъ же времени и объ однихъ и тѣхъ же, впродолженіе его, событіяхъ, и что разница *только въ названіи* дня вечери у синоптиковъ единогласно „первымъ днемъ опрѣсночнымъ“ (Мѳ. и Мар.) или „наступившимъ днемъ опрѣсночнымъ“ (у Луки), а у Іоанна „предпраздничнымъ“ = предпасхальнымъ днемъ. Но этотъ „первый день, наступившій день опрѣсночный“ не есть первый опрѣсночный день библейскаго и основаннаго на немъ учено-литературнаго словоупотребленія: и синоптики, и Іоаннъ, всѣ единогласно называютъ слѣдующій за вечерію день *до*праздничнымъ (Лк. 23, 17; Мѳ. 27, 15; Мрк. 15, 6; Іоан. 18, 28 и 19, 14), а отнюдь не послѣпраздничнымъ или послѣпасхальнымъ, какимъ онъ долженъ бы быть по его библейскому и литературному значенію. Да и всѣ описанныя въ Евангеліяхъ со-

бытія этихъ дней ни для кого не неузнаваемо говорятъ за то, что этотъ, съ самаго начала своего евангельскаго существованія пререкаемый и недоумѣнный въ его *евангельско-синоптическомъ значеніи* терминъ („первый опрѣсночный день“),— и недоумѣнный для насъ именно потому, что мы достаточно или мало, но все же ознакомлены съ еврейскими праздниками и ихъ библейскими названіями,—означаетъ у Евангелистовъ-синоптиковъ *не то,* что̀ онъ означаетъ у библейскихъ писателей и ученыхъ раввиновъ, что этотъ день былъ *до* праздника Пасхи, а отнюдь не послѣ, что онъ отнюдь не „первый день опрѣсночный“, ка̀къ онъ опредѣленъ въ законѣ, т. е. не 15-е нисана еврейскаго календаря. За это говоритъ, кромѣ вышеуказаннаго, слѣд: Іисусъ ѣлъ пасхальнаго агнца (см. цитаты выше), когда вообще только готовились къ празднику (Мѳ. 26. 17—19; Мрк. 14, 12—16; Лук. 22, 7—13; Іоан. 13, 1. 29), когда на другой день вечери съ самаго ранняго утра производилась такая судебная волокита, такое безпорядочное и возбужденное передвиженіе толпы отъ двора первосвященническаго къ преторіи, съ синедріономъ въ главѣ, что не только нимало не напоминаетъ праздничнаго еврейскаго покоя, праздника, а показываетъ именно и носитъ полный характеръ безпорядочной и шумной предпраздничной сутолоки, когда затѣмъ работали на полѣ, но въ 12-мъ часу уже спѣшили съ поля въ домъ, и т. п. Притомъ же, по единогласному сказанію синоптиковъ, самъ синедріонъ порѣшилъ взять Іисуса „не въ праздникъ, чтобы не было возмущенія народа“ (Мѳ. 26, 5; Мрк. 14, 2 = у Луки 22, 2 и 6 „не при народѣ“), что̀ въ дальнѣйшемъ разсказѣ и указывается, какъ совершившееся и оправданное событіями. И это постановленіе синедріона опять-таки пріурочено у всѣхъ ихъ ко времени „за два дня до Пасхи“, въ которые и совершилось все дальнѣйшее: и послѣдняя пасхальная вечеря І. Христа съ учениками, и Его страданія и судъ.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что синоптическій „первый день опрѣсночный“ не день, такъ названный въ законѣ и такъ понимаемый еврейскими учеными и всею раввиническою литературою, повторяющею его библейское значеніе: но съ другой стороны это и не такой терминъ, который бы *можно*, въ видахъ приближенія его къ буквѣ строго-библейскаго термина, такъ или иначе исправлять, когда онъ свой *своеобразный* характеръ и свое *своеобразное, небиблейское*,

значеніе отпечатлѣваетъ не только на самомъ себѣ, на всѣхъ своихъ пояснительныхъ къ себѣ замѣткахъ и опредѣленіяхъ, но и на всѣхъ другихъ, близко къ нему стоящихъ у синоптиковъ, хронологическихъ датахъ. И остается послѣ этого отказаться и отъ неблагодарнаго многовѣковаго примиренія этого термина съ ВЗ. библейскимъ, и отъ всякихъ неблагодарныхъ тоже и могущихъ въ этомъ случаѣ быть только неблагодарными, безрезультатными, попытокъ исправленія его: его можно совсѣмъ вычеркнуть у всѣхъ синоптиковъ, но исправить такъ, чтобы онъ выражалъ библейскій и литературно-принятый смыслъ, этого чаянія исправителей синоптическій текстъ не можетъ осуществить, сколь бы это чаяніе ни было горячо и благородно, не можетъ дать имъ этой утѣхи, пот. что онъ носитъ совершенно *иную* физіономію, совершенно *иной* смыслъ, чѣмъ къ какому хотятъ привязать его эти горячо-благородные исправители. Библейское и литературное словоупотребленіе каждому празднику, каждому акту этого великаго дня дало особое названіе: оно знало и отдѣляло время приготовленія агнца со всѣми къ нему принадлежностями отъ времени ихъ вкушенія, а отъ этихъ отдѣляло и самые дни опрѣсноковъ; а простому работнику, презрѣнному галилеянину, все это казалось однимъ дѣйствіемъ, хоть и состоящимъ изъ нѣсколькихъ актовъ, носящимъ одинъ и тотъ же характеръ и смыслъ: на виду у него приготовленіе агнца съ опрѣсноками и горькими травами, вкушеніе всего этого и затѣмъ вкушеніе только опрѣсночнаго, и вотъ для него готово обозначеніе всѣхъ этихъ дней,—начиная со дня приготовленія и яденія агнца съ опрѣсноками и кончая только опрѣсноками, — „днями опрѣсночными“. А въ виду того, что это обозначеніе не искажало смысла праздниковъ, оно, очевидно, не подвергалось порицанію и прямому запрещенію со стороны руководителей народа, хоть тѣми, кто былъ лучше и больше знакомъ съ библейскимъ словоупотребленіемъ, время точнѣе и обозначалось. Такъ, Самъ І. Христосъ и Его возлюбленный ученикъ такого смѣшенія въ обозначеніи праздниковъ, какъ видѣли, не допускаютъ: пользуются болѣе точнымъ терминомъ: „за два дня до Пасхи“, „предъ праздникомъ“ и п. И вотъ мы предъ *пока* единственно-основательнымъ рѣшеніемъ, что „первый день опрѣсноковъ“ у синоптиковъ значитъ начало великаго историческаго еврейскаго праздника, центръ котораго составляетъ вкушеніе

пасхальнаго агнца съ горькими травами и опрѣснокамп, завершительный пунктъ вкушеніе однихъ опрѣсноковъ, что собственно и есть законно-книжно „опрѣсночные дни“. Начальный пунктъ—приготовленіе и закланіе пасхальнаго агнца, приготовленіе всѣхъ принадлежностей къ нему—день непраздничный, работный, для буквально-и учено-законной Іудеи, и день праздничный, неработный, для простой и младенчески-некнижной Галилеи, которую за то удобнѣе было научить новому добру, изъ которой удобнѣе было набрать контингентъ новыхъ, — не мудрствующихъ лукаво и не занятыхъ лишь подыскиваніемъ, какъ бы уловить на словѣ хоть и спасительныя истины,—проповѣдниковъ доброй вѣсти, Евангелія. Потерянный для насъ, хоть и необходимо требуемый всѣмъ ходомъ евангельскаго разсказа, смыслъ синоптическаго термина, какъ дня приготовленія и закланія пасхальнаго агнца, требуетъ со стороны сильныхъ и способныхъ на это, подготовленныхъ къ этому умовъ, попытаться поискать въ памятникахъ прошлаго еврейской литературы указаній на *такой* смыслъ, и эти попытки такимъ же можетъ быть увѣнчаются успѣхомъ, какимъ увѣнчались поиски почтеннаго гебраиста въ этой литературѣ потерянаго-было для сознанія церкви обычая закалать пасхальнаго агнца днемъ раньше 14-го нисана, когда это 14-е приходилось на пятницу, предъ наступленіемъ по еврейскому счету субботняго покоя, нарушеніе котораго стало бы необходимо для исполненія другаго постановленія о времени закланія агнца, вѣрнѣе нѣсколькихъ тысячъ агнцевъ, которыхъ бы не успѣть заклать до наступленія субботняго покоя, въ промежутокъ времени „между двумя вечерами“. Эту встрѣчу двухъ постановленій закона о днѣ закланія и яденія агнца и субботнемъ покоѣ въ то время и разрѣшали такъ: оставляли неприкосновеннымъ постановленіе о субботнемъ покоѣ, а постановленіе о закланіи агнца и праздновaніи Пасхи 14-го нисана находили возможнымъ переносить ради субботы за день раньше, отчего, такъ какъ агнецъ былъ готовъ 13-го нисана, его и могли вкушать одни въ тотъ же день, въ виду постановленія о вкушеніи его въ тотъ же вечеръ, до утра, а другіе могли оставлять его къ вечеру 14-го, считая возможнымъ лучше (законнѣе) нарушить это постановленіе о вкушеніи до утра, чѣмъ постановленіе о яденіи агнца 14-го именно числа, а не другаго какого. И

если подобнымъ же успѣхомъ увѣнчаются поиски синоптическаго времясчисленія-термина въ послѣбиблейской литературѣ еврейской, тогда мы не только будемъ видѣть, что̀ онъ значитъ по требованію всего еванг. разсказа, а будемъ имѣть и свидѣтельства іудейской древности о *такомъ именно* его значеніи и употребленіи въ то время, будемъ не только знать, какъ *должно* понимать его, а и какъ онъ въ дѣйствительности тогда понимался. Только именно такихъ свидѣтельствъ, внѣевангельскихъ, и недостаетъ намъ для нашего *полнаго* пониманія, и въ виду этого-то недостатка церковь никогда и не канонизовала такого или инаго рѣшенія этого всегда недоумѣннаго термина, лишь твердо напечатлѣвъ въ церковныхъ учрежденіяхъ ту историческую истину, что *преданіе* І. Христа было *въ среду, вечеря въ четвергъ, страданія и смерть въ пятницу*, воскресеніе въ первый день недѣли и под. За рѣшеніе вопроса, въ какія числа мѣсяца приходились эти̂ дни. церковь тоже не бралась: не считала числами и прежде, не могла дать авторитетныхъ свѣдѣній о нихъ и впослѣдствіи. Потому-то же и доселѣ, лишь только мы забываемъ счетъ числами, лишь только начинаемъ слѣдить описанныя въ Евангеліяхъ событія по чисто-евангельскимъ датамъ, взоръ нашъ проясняется, и мы тотчасъ усматриваемъ полное согласіе и синоптиковъ, и Іоанна; при обратномъ же способѣ, чуждомъ евангельскимъ датамъ, при переложеніи ихъ на числа, мы сейчасъ увеличиваемъ громаднымъ обр. трудность представляющихся вопросовъ.

Въ подтвержденіе того, что въ годъ смерти І. Христа вечеръ пятницы (= по евр. счету начало субботы) былъ пасхальнымъ днемъ, можемъ привести одну хронологическую дату Еванг. Луки (6,1), говорящую, по нашему соображенію [1]), за то, что Пасха, предшествующая Пасхѣ страданій І. Христа, была въ четвергъ = по евр. счисленію въ наступающій пятокъ. Именно Еванг. Лука замѣчаетъ, что ученики І. Христа вмѣстѣ съ Нимъ проходили по засѣяннымъ полямъ и срывали колосья

[1]) Это соображеніе покоится впрочемъ на укорененной въ насъ нашимъ, — не лунымъ, какъ у евреевъ, — счисленіемъ привычкѣ ждать на слѣд. годъ того же самаго праздника (непереходящаго) въ слѣдующій за прошлогоднимъ день. Если это неприложимо къ лунному счисленію, о чемъ судить неспособны, то покрайней мѣрѣ считаемъ не безполезнымъ данное по этому поводу разъясненіе сложнаго термина «второпервая суббота», истинное помимо указаннаго соображенія.

во *второпервую субботу* („ἐν σαββάτῳ δευτεροπρώτῳ"). Думается, что русскій переводъ этого термина въ Евангеліи „въ субботу, первую по второмъ днѣ Пасхи" невѣренъ, потому что нѣтъ никакого основанія „субботу, первую по второмъ днѣ Пасхи" называть второпервою, да даже больше того: трудно вообще осмысленно представить себѣ смыслъ такого переводнаго наименованія, какъ будто есть какія-то вторыя, третьи и т. д. субботы по второмъ почему-то днѣ Пасхи?!.. Во всякомъ случаѣ здѣсь обѣ части этого составнаго (изъ словъ „первый" и „второй") термина имѣютъ опредѣлительное значеніе къ своему опредѣляемому, къ „субботѣ", а не такъ, какъ это представляется по русскому переводу, что одна часть относится къ субботѣ и опредѣляетъ ее числительно, а другая половина слова относится къ счету пасхальныхъ дней, и весь терминъ значитъ не что иное, какъ то, что эта суббота въ счетѣ праздничныхъ,—съ характеромъ покоя, субботствованія,—дней новаго года, начинающагося съ Пасхи, занимаетъ *второе* мѣсто, а въ счетѣ обычныхъ субботъ новаго года, послѣ т. е. Пасхи, *первое*. А это могло быть слѣд. обр.: по Хвольсону [см. его статьи въ Хр. Чт. 1875 г., гдѣ онъ говоритъ о принесеніи перваго снопа (Лев. 23, 9—21 ср. Іоан. 19, 31) „на другой день субботы": у боэѳусеевъ, караимовъ и самарянъ снопъ жали въ дѣйствительную *субботу вечеромъ*, а по раввинамъ эта суббота = первому дню Пасхи] раввинское направленіе, хотя уже только послѣ поглотившее древнее направленіе и толкованіе всякаго рода сталкивающихся постановленій закона, но въ зародышѣ бывшее уже и во дни І. Христа, называло и *первый день Пасхи*, на какой бы день онъ ни падалъ, *субботой*, и так. обр. *суббота въ собственномъ смыслѣ, слѣдующая прямо за этой субботой въ несобственномъ смыслѣ* (= за первымъ днемъ Пасхи), недѣльная суббота въ строгомъ смыслѣ этого слова, а не суббота только по смыслу праздничнаго покоя, слѣдующая за первымъ днемъ Пасхи (= субботой по смыслу покоя), и не могла однословно быть названа иначе и лучше, какъ *второпервою*. Она была, если называть и считать первый день Пасхи субботою, *второй* съ Пасхи субботой, второй субботой наступившаго новаго года, но она же, если вести счетъ обычныхъ лишь недѣльныхъ субботъ, была и *первою:* была вторымъ субботнимъ днемъ въ году по своему праздничному = *субботственному* значенію и характеру и въ этомъ смыслѣ

второй годовой субботой, и первой въ году субботой по своему *денному*—недѣльному наименованію, такъ что въ одномъ смыслѣ она же вторая и въ другомъ она же первая въ году суббота = второпервая. А если таковъ смыслъ термина „второпервая суббота“, то, въ виду того, что послѣ этой Пасхи у Луки нѣтъ упоминанія о другой Пасхѣ, а прямо слѣдуетъ за ней только Пасха страданій І. Христа, и выходитъ, что *предшествующая пасхѣ страданій І. Хр. Пасха* (= вкушеніе пасхальнаго агнца) была *въ четвергъ вечеромъ*, который вмѣстѣ съ пятницей, какъ первый день Пасхи, составлялъ въ мнѣніи ученыхъ руководителей народа субботу въ нестрогомъ смыслѣ, а за этой слѣдовала уже и дѣйствительная, недѣльная суббота. Она так. обр. оказалась и второю и первою въ году, что̀ и дало терминъ *второпервая*. Подобное этому было бы у насъ, христіанъ, если бы остался и вошелъ въ практику обычай малоазійскихъ церквей праздновать Пасху, по примѣру Еванг. Іоанна, въ 14-й день нисана: у насъ могло бы почти каждогодно оказываться по *два воскресенья* на одной недѣлѣ (пасхальной). Теперь, *Пасха страданій І. Христа* была *въ пятницу вечеромъ* (= началу евр. субботы), а все повѣствованіе синоптиковъ и Іоанна единогласно считаетъ днемъ вкушенія І. Христомъ пасхальнаго агнца *четвергъ вечеромъ* (= евр. пятницу), слѣд. „предпраздничный“ день у Іоанна 13, 1 = „первому опрѣсночному дню“ синоптиковъ. А если такъ, то І. Христосъ ѣлъ пасхальнаго агнца 13-го, а не 14-го нисана, и это какъ по синоптикамъ, такъ и по Іоанну, и разница стало быть только въ терминѣ, которымъ обозначается совершенно *одно и тоже* время („первый день опрѣсночный“ Мѳ. и Марк. = Лук. „наступившій день опрѣсночный“ = „Предъ праздникомъ Пасхи“ Іоан. 13, 1).—Въ тоже время такое наименованіе субботы показываетъ, что если въ настоящее время и существуетъ, какъ утверждается въ достопочтенномъ трудѣ А. А. Некрасова (стр. 141—148 „Чтенія греческаго текста св. Евангелій. Казань, 1888“), обычай у евреевъ переносить начало новаго года съ пятницы и среды, въ случаѣ новолунія въ эти дни, на субботу и четвергъ, то едва ли это *такъ было и во всѣ времена* еврейской исторіи и едва ли, между прочимъ, такъ это было, *въ силу этого-де обычая, и въ годъ страданій І. Христа*, когда-де, въ силу этого же обычая, и 15-е нисана пало для евреевъ на субботу, а 14-е нисана на пятницу вмѣсто законныхъ

пятницы и четверга [1]), а еще тѣмъ болѣе едва ли вѣрны сдѣланныя на основаніи этого предположенія соображенія, что Господь, зная такое нарушеніе іудеями закона о новолуніяхъ, въ силу Своего положенія, что „Онъ пришелъ не разорити, но исполнити законъ", внушилъ ученикамъ праздновать новолуніе и начать новый годъ съ вечера четверга или, по нашему, съ пятницы, что затѣмъ 15-е нисана (первый день опрѣсночный въ его библейско-законномъ значеніи и предѣлѣ) должно было быть для Апостоловъ въ пятницу, а не въ субботу, какъ для іудеевъ, ка̀къ Евангелисты точно и опредѣленно, въ законномъ-де смыслѣ, и назвали его, и что наконецъ Господь былъ распятъ въ тотъ именно день, когда по закону слѣдовало праздновать Пасху, такъ что хронологическій терминъ Іоанна (13, 1): „предъ праздникомъ Пасхи" не имѣетъ-де ничего общаго съ синоптическимъ, истово-де законнымъ „первымъ днемъ опрѣсночнымъ". Принять все это рѣшительно запрещаетъ не только указываемое названіемъ субботы „второпервою" совпаденіе иногда и празднованіе въ пятницу начала новаго года, 15-го нисана, но и то, что Самъ Господь не только не указалъ Своимъ ученикамъ на это акибы нарушеніе іудеями праздничныхъ временъ, а Самъ наоб. Свое заранее празднованіе пасхальной вечери указалъ въ томъ не терпящемъ отлагательства обстоятельствѣ, что „время Его близъ есть" (Мѳ. 26. 18). Нечего уже говорить о томъ, что за подобныя вещи никогда Господь не обличалъ іудеевъ, а даже ставилъ имъ въ упрекъ это именно умѣнье „различать лицо неба", соединенное съ тупостію и отсутствіемъ разборчивости и умѣнья „различать знаменія временъ" (Мѳ. 16, 3 и п.), „различать эры благопріятныя и дни спасенія", какъ тоже „наблюденіе дней, новомѣсячій, временъ *и годовъ" ставилось въ упрекъ всѣмъ іудействующимъ (Гал.* 4, 10 и др. мм.) „избраннымъ сосудомъ Господа" (Дѣян. 9, 15), „чрезъ Его откровеніе наученнымъ Евангелію, которое онъ благовѣствовалъ" (Гал. 1, 11—12), Апостоломъ языковъ Павломъ. Но этого мало. Даже принявши всѣ эти соображенія и предположенія, даже счетши вечеръ четверга

---

[1]) Въ указанномъ трудѣ (стр. 139 и 142) вычислено по новолуніямъ, что въ годъ страданій І. Христа началу еврейскаго новаго года, а равно и празднику Пасхи слѣдовало быть въ пятницу, а не въ субботу.

того года *требуемымъ закономъ* вечеромъ вкушенія агнца, а пятницу „законнымъ" первымъ опрѣсночнымъ днемъ, іудейскую же субботу пасхальной вечери незаконною, *противозаконною*, принявши все это, за исключеніемъ не вытекающаго изъ всего этого и ничѣмъ, кромѣ имени, не могущаго быть оправданнымъ положенія, что синоптическій „первый день опрѣсночный" и есть точное и опредѣленное, библейски-законное выраженіе библейски-законнаго „перваго опрѣсночнаго дня", мы опять остаемся съ тѣмъ же искомымъ: вѣдь синоптики называютъ *не пятницу*, не день страданій І. Христа, „первымъ опрѣсночнымъ днемъ", а день предшествующій, четвергъ, законное (въ противовѣсъ акибы незаконному іудейскому) по соображеніямъ автора 14-е нисана, день, какъ сами они говорятъ, когда еще только закалали или должны были закалать пасхальнаго агнца, а вовсе не день, слѣдующій за вечерію, какимъ онъ является по смыслу и по счету закона! Значитъ, и при этихъ соображеніяхъ мы опять *внѣ* (раньше) законно-библейскаго „перваго опрѣсночнаго дня", мы опять съ тѣмъ же, съ самаго существованія синоптиковъ и Іоанна, искомымъ, но доселѣ не находимымъ рѣшеніемъ вопроса! Притомъ, внуши І. Христосъ Своимъ ученикамъ смотрѣть на день празднованія іудеями Пасхи, какъ на незаконный (давнее, но несправедливое нареканіе на іудея-буквалиста!), какъ могли Апостолы, ничтоже сумняся, въ день страданій, — въ день великаго на ихъ акибы взглядъ праздника, годовой „субботы", — странствовать вездѣ за страдающимъ Христомъ, заботиться въ лицѣ женъ о Его погребеніи, когда они же, лишь только наступилъ субботній вечеръ, вечеръ дѣйствительнаго, а не воображаемаго великаго дня, вмѣстѣ и съ женами, не осмѣлились нарушить праздничнаго покоя до утра воскресенія, и это при всей объявшей ихъ тугѣ душевной? Нѣтъ, сколько ни строить намъ суетныхъ и эфемернаго достоинства обходовъ-рѣшеній и сколько ни бросать незаслуженныхъ камней (и заслуженныхъ-то у тогдашняго іудея въ дѣлѣ суда надъ своимъ Мессіею такъ много винъ, что этотъ осужденный ими на смерть и ведомый ими на казнь Мессія заповѣдалъ оплакивавшимъ Его матерямъ ихъ оплакивать ихъ бѣдныя—горькія головы!), сколько ни бросать незаслуженныхъ нареканій по адресу іудея, по адресу его акибы либерализма по отношенію къ законной буквѣ, намъ не избыть этимъ того заколдованнаго круга, въ который постав-

ляетъ насъ съ одной стороны небиблейскій, народно-обыденный хронологическій терминъ синоптиковъ, а съ другой, съ другимъ совершенно значеніемъ, библейскій, законный терминъ! За такія воображаемыя незаконности меньше всего обличалъ Христосъ іудея.

На этомъ заканчивается все довѣдомое намъ по данному вопросу. Къ чему же приводятъ насъ всѣ евангельскія данныя, и синоптическія и Іоанновскія, а въ тоже время и всѣ вызванныя къ жизни этими данными свѣдѣнія и указанія касательно храмовой практики закланія пасхальнаго агнца, касательно былыхъ принциповъ примиренія и соглашенія сталкивающихся постановленій закона при столкновеніяхъ и встрѣчахъ праздниковъ и связанныхъ съ ними обрядовъ и богослуженій и т. п.? Вотъ результаты всего этого для занимающаго насъ вопроса:

1) Вся разность во всѣхъ четырехъ евангельскихъ разсказахъ касательно начала и завершенія катастрофы въ жизни І. Христа, ставшей краеугольнымъ камнемъ спасенія всего человѣчества, сводится только къ одному времяопредѣлительному термину (у синоптиковъ „первый = наступившій день опрѣсночный“, а у Іоанна „предпраздничный = предпасхальный день“), все же остальное—и даты (среда, четвергъ, пятокъ и д.), и событія — совершенно одни и тѣже у всѣхъ евангелистовъ, и все это въ тоже время въ такой постановкѣ у всѣхъ ихъ и съ такими несомнѣнными указаніями и характеристическими чертами предпраздничнаго времяпрепровожденія и именно съ чертами такъ называемыхъ синоптиками „опрѣсночныхъ дней“, что эти различные термины даже *и не могутъ быть разнозначны*: у всѣхъ все одно и тоже, но надпись, наложенная на это *тоже*, различна, — различна общая надпись, а всѣ частныя надписи-даты тѣже.

2) И эта общая надпись, этотъ времяопредѣлительный характеристическій синоптикамъ терминъ „первый = наступившій день опрѣсночный“, что бы онъ ни значилъ въ еврейской, библейской и послѣбиблейской литературѣ,—а онъ значилъ только 15-е нисана = день по вкушеніи агнца,—у евангелистовъ - синоптиковъ не можетъ значить ничего иного, кромѣ *дня приготовленія и закланія пасхальнаго агнца*, хоть бы даже и не сряднаго съ праздникомъ Пасхи, какъ было въ настоящемъ случаѣ, когда за нимъ слѣдовалъ еще день суда и смерти І. Христа, когда еще языческія власти отпус-

кали іудеямъ ради великаго праздника одного изъ узниковъ—іудеевъ, когда еще члены синедріона торопили судопроизводствомъ и „не входили въ преторію, чтобы не оскверниться, но ѣсть пасху“ и т. д. и т. д. И такимъ, предпраздничнымъ =Іоанновскимъ, мыслятъ этотъ день всѣ синоптики (процедура отпущенія къ празднику узника одновременно съ судомъ надъ І. Христомъ. Цитаты см. выше). Поэтому-то, какое бы оглавленіе и надпись ни были даны дню послѣдней пасхальной вечери І. Христа, суть дѣла остается таже, содержимое евангельскаго разсказа отъ этого не измѣняется и не страдаетъ и тѣмъ совершенно поглощаетъ терминъ-надпись, до того поглощаетъ, что никакія смягченія и поправки его не приблизятъ насъ къ лучшему его пониманію, тѣмъ болѣе, что всѣ эти смягчительныя поправки его вертятся въ заколдованномъ для нихъ кругу, никакъ не могутъ выйти изъ предѣловъ-терминовъ „опрѣсночные дни“, которыхъ, законно-библейскихъ, нѣтъ какъ нѣтъ еще и къ которымъ все же снова, хоть и въ починенной на свой ладъ формѣ, приходится перескакивать исправителямъ чрезъ праздникъ Пасхи: какъ текстъ ни правятъ, а все терминъ, который всячески хотятъ избыть, тутъ какъ тутъ, а Пасхи, которой обойти нельзя, какъ не бывало.

3) Этотъ ясный самъ по себѣ для читателя синоптическихъ Евангелій терминъ, точно и ясно опредѣляющій свой смыслъ и значеніе, ясно въ тоже время намекающій на смѣшанное употребленіе себя въ обычномъ говорѣ, но становящійся туманнымъ и недоумѣннымъ съ тѣхъ поръ, какъ мысль читателя перешла на извѣстный изъ Библіи смыслъ его, на его слѣдованіе по закону за вкушеніемъ пасхальнаго агнца, а отнюдь не предвареніе этого вкушенія, не одновременность съ нимъ, требуетъ со стороны сильныхъ и подготовленныхъ къ такому труду лицъ новыхъ изысканій въ памятникахъ еврейскаго прошлаго того его употребленія и смысла, съ какимъ онъ, ни для кого не неузнаваемо, является у Евангелистовъ-синоптиковъ. Задача изслѣдователей этого вопроса, значитъ, не править терминъ, а искать историческихъ данныхъ (внѣевангельскихъ, ибо евангельскія ясны, и внѣбиблейскихъ, ибо библейскія не менѣе ясны по придаваемому этому термину смыслу, чѣмъ и евангельскія по своему), если не на ученое и іерусалимское, храмовое, употребленіе, то можетъ быть на мѣстное, галилейское или подобное употребленіе этого термина. Эта находка, конечно, не прибавитъ согласія еван-

гельскимъ сказаніямъ, но устранитъ одинъ изъ послѣднихъ поводовъ къ недоумѣнію у тѣхъ, кто, встрѣтившись лицемъ къ лицу съ этимъ разнозначнымъ въ Евангеліи и ВЗ-ныхъ книгахъ терминомъ, еще не успѣлъ вникнуть въ полное согласіе Евангелій и *помимо* этого термина. Задача такъ или иначе цѣнная и почтенная—удалить одинъ изъ поводовъ къ недоумѣніямъ, да дать и положительное свидѣтельство въ пользу синоптическаго пониманія термина изъ той области, откуда, безъ всякаго сомнѣнія, сами синоптики, какъ іудеи и іудеи особаго, галилейскаго, оттѣнка, почерпнули его.

4) У всѣхъ Евангелистовъ-синоптиковъ началомъ катастрофы, положившей начало славному будущему человѣчества, ставится время „за два дня до Пасхи“ (Мѳ. 26, 2; Мрк. 14, 1), у Луки называемое „приближающимся праздникомъ опрѣсноковъ, называемымъ Пасхою“ (22, 1), когда и *предалъ* І. Христа Іуда. Это, по ходу всего евангельскаго разсказа и по преданію, *среда*. Въ слѣдующій день, *четвергъ*, по всѣмъ Евангелистамъ, и съ Іоанномъ, приготовляли пасхальнаго агнца, и І. Христосъ съ учениками ѣли его вечеромъ. Въ дальнѣйшій день, который всѣ называютъ *пятницей*, Іисусъ былъ судимъ и распятъ, и этотъ день по синоптикамъ и Іоанну (цитаты см. выше) былъ временемъ, когда все было въ ожиданіи празднованія, все было готово къ пасхальной вечерѣ. Слѣдующіе за этими событіями дни у всѣхъ одинаково обозначены, какъ суббота и первый день недѣли. А если все это такъ, то, согласно добытымъ даннымъ о времени закланія агнца и проч.,

5) Пятница была 14-мъ нисана, четвергъ 13-мъ, среда 12-мъ и т. д., а 15-мъ была суббота, совпавшая съ законно-библейскимъ „первымъ днемъ опрѣсночнымъ“ и тѣмъ ставшая „великимъ днемъ“ (Іоан. 19, 31). Чтобы приготовленіемъ и закланіемъ агнца не нарушить наступавшаго въ пятницу 14-го нисана субботняго покоя, агнца закалали и приготовляли 13-го, и Іисусъ, въ виду того, что „время Его близко“ (Мѳ. 26, 18), вечеромъ этого же дня вкушалъ съ Своими учениками приготовленнаго и закланнаго агнца, не незаконно, но и не одновременно съ большинствомъ и съ руководителями религіознаго народнаго сознанія, членами синедріона, которые ѣли агнца въ слѣд. вечеръ, въ вечеръ пятницы, наканунѣ субботы, въ законное 14-е нисана.

Теперь всѣ эти числа, принаровленныя и вложенныя въ однообразно называемые всѣми Евангелистами дни, являются предъ нами не произвольными, а необходимо вытекающими изъ прежде данныхъ указаній и положеній и строго съ ними согласующимися. Теперь весь ходъ этихъ дней и событій ясенъ; ясно и значеніе своеобразнаго и необычнаго синоптическаго термина, но темны историческое происхожденіе и историческая преемственность его, неуловима и недовѣдома связь его съ буквально-сходнымъ съ нимъ библейскимъ терминомъ, что открыть въ еврейской послѣ-библейской литературѣ принадлежитъ сильнымъ въ этомъ дѣлѣ людямъ.

$18\frac{4}{17}78$—$18\frac{11}{15}88$.

Матвѣевка-Казань.